

«МЕТОД МЕЛКИХ НАБЛЮДЕНИЙ» А. БЕМА КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ

С. А. Скуридина, Н. Б. Бугакова

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 8 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности работы А. Бема — одного из первых ученых-филологов, обратившихся к анализу собственных имен как доминант художественного текста. Отмечается ценность используемого А. Бемом «метода мелких наблюдений», используемого для выявления семантического потенциала ономастических единиц, представленных в художественных произведениях.

Ключевые слова: А. Бем, «метод мелких наблюдений», ономастика, литературная ономастика, Ф. М. Достоевский.

Abstract: the article examines the features of the work of A. Boehm, one of the first philologists who turned to the analysis of proper names as the dominant of a literary text. The value of the “method of small observations” used by A. Boehm, used to identify the semantic potential of onomastic units represented in works of art, is noted.

Keywords: A. Boehm, “the method of small observations”, onomastics, literary onomastics, F. M. Dostoevsky.

А. Л. Бем, заметки о биографии и научной деятельности которого представлены в статье Г. Ф. Ковалева [1], — талантливый филолог русской эмиграции, обращавшийся к исследованию творчества А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, И. А. Бунина, Б. Пастернака, Н. Гумилева, В. Маяковского и других писателей и поэтов, размышления о произведениях которых составили цикл работ «Письма о литературе» [2].

А. Л. Бему принадлежит ряд литературоведческих работ о Ф. М. Достоевском, позволяющих рассматривать его как одного из крупных исследователей-достоевистов, или, как принято говорить в настоящее время, исследователей-достоевсковедов. Это работы «Тайна личности Достоевского» (Прага, 1928), «Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского)» (1929), «Сумерки героя (Этюд к работе: Отражение «Пиковой Дамы» в творчестве Достоевского)» (1929), «Достоевский — гениальный читатель» (1933), «Первые шаги Достоевского («Генезис романа «Бедные люди»)» (1933), «У истоков творчества Достоевского», включившая несколько статей сопоставительного характера: «Грибоедов и Достоевский», «Пушкин и Достоевский», «Гоголь и Достоевский», «Толстой и Достоевский» (Прага, 1936), «Фауст» в творчестве Достоевского» (1937), а также монография «Достоевский. Психоаналитические этюды» (Прага–Берлин, 1938).

К исследованию творчества Ф. М. Достоевского, ставшего для А. Л. Бема главным «научным» делом всей его жизни, ученый обращается в начале периода

эмиграции: «Я нарочно и сосредоточился на новой для меня теме, кт. в России никогда не занимался. Достоевский давал возможность начинать без материалов, без литературы, опираясь на один текст его произведений. До Праги у меня и не было возможности иначе работать» [3, 132]. По мнению М. Магидовой, статья А. Л. Бема «Ф. М. Достоевский и Анна Сулова» (Свобода, 1921, № 30, 9 февраля, с. 2; № 31, 10 февраля, с. 2), в которой он, работая «без материалов», допускает ошибку, называя Аполлинарию именем Анна, стала первым шагом исследователя на пути осмысления творческого пути Ф. М. Достоевского [4, 33]. В 1925 году А. Л. Бемом был учрежден Семинарий по изучению Достоевского при Русском народном университете, который сам исследователь рассматривал как научное общество состоявшихся ученых: «По своему характеру это было скорее научное общество, чем университетский семинарий обычного типа. Вокруг него объединились главным образом уже сформировавшиеся ученые, интересовавшиеся творчеством Достоевского. Этим объясняется и то, что большинство докладов, прочитанных в нем, были затем напечатаны в разных научных изданиях. Но Семинарий выполнял и другую задачу: привлечения к изучению Достоевского молодых научных сил. Всего за время существования Семинария было прочитано 58 докладов на 53 темы» [5].

В своих филологических изысканиях А. Л. Бем применял собственный метод исследования литературы — «метод мелких наблюдений» (П. М. Бицилли в рецензии на работу А. Л. Бема «У истоков творчества Достоевского», опубликованную в парижских «Совре-

менных записках» в 1936 году, назвал данный подход «методом сличения «родимых пятен»), позволявший ученому детально разрабатывать ту или иную проблему, поднимаемую в произведениях Ф. М. Достоевского, более глубоко проникая в сущность его творческой лаборатории. А. Л. Бема, рассматривающего художественное творчество Ф. М. Достоевского как процесс «литературных припоминаний» [6, 120], можно назвать первооткрывателем явления интертекстуальности (как известно, термин «интертекст» впервые был введен гораздо позднее — в 1967 г. в работе Ю. Кристевой, посвященной творчеству М. М. Бахтина [7]). По мнению А. Л. Бема, использование Ф. М. Достоевским реминисценций — явление бессознательное (А. Л. Бем в некоторых исследованиях обращается к фрейдистским методам интерпретации, однако, как указывают С. Г. Бочаров и И. З. Сурат, «бемовский психоаналитический подход к литературе, к Достоевскому — умеренный и трезвый, для него вторжение инонаучных методов в филологию должно быть ограничено и литературовед обязан остаться в пределах произведения» [8, 22]).

Несомненный интерес представляют ономастические наблюдения А. Л. Бема, результаты которых были реализованы в «Словаре личных имен у Достоевского», составленному, как указывается в предисловии к словарю, по изданию «Полное собрание художественных произведений Достоевского» (Государственное издательство, Москва, 1926–1928, тт. I–X) [9]. Словарь был подготовлен А. Л. Бемом, С. В. Завадским, Р. В. Плетьевым и Д. И. Чижевским и издан под общей редакцией А. Л. Бема в 1933 году во втором томе трудов Семинария «О Достоевском» [5]. Вторая часть словаря — «Словарь личных имен в «Дневнике писателя» — была подготовлена А. Л. Бемом, но издана только в 1972 году в сборнике «O Dostojevském» (Praha, 1972) [10, 287–345].

«Словарь личных имен у Достоевского» (1933) получил неоднозначную оценку современников А. Л. Бема: П. Бицилли в своем письме называет «Словарь» «списком имен у Достоевского» [11, 136]. С одной стороны, были выявлены и систематизированы личные имена, используемые Ф. М. Достоевским в художественных текстах. В номенклатуру словаря вошли как вымышленные антропонимы, так и антропонимы, принадлежащие реальным лицам, которые в настоящее время ономатологи отнесли бы к историко-культурному фону (Кант, Купер, Улисс и т.д.), с указанием конкретных страниц произведений «Полного собрания художественных произведений Достоевского» (Государственное издательство, Москва, 1926–1928, тт. I–X). С другой стороны, научной группой под руководством А. Л. Бема был составлен, скорее, словник, а не словарь, так как некоторые словарные статьи ограничиваются короткими комментариями (например: «Федор Петрович (обмолвка Степана Трофимовича) — см. Федор Матвеевич

(Б.)»; «Рубенс (P. Rubens), художник» и т.д. [9; 354, 345]), другие — содержат только указание на страницы издания произведений Ф. М. Достоевского. Тем не менее в настоящее время как литературоведы, так и лингвисты отмечают, что «Словарь» А. Л. Бема представляет собой определенную ценность для составителей комментариев (в т.ч. ономастического) к творчеству писателя, а также для выявления интертекстуальных связей [см. подробно: 12, 13].

На наш взгляд, наиболее значительным вкладом А. Л. Бема в ономастическую науку стал доклад, прочитанный в Пражском лингвистическом кружке 6 декабря 1932 года, основные положения которого были включены в статью «Личные имена у Достоевского», включающую семь разделов [14]. В данной работе наиболее ярко проявляется «метод мелких наблюдений» А. Л. Бема, применяемый к ономастическим единицам в художественных текстах Ф. М. Достоевского.

В первом разделе доклада А. Л. Бем задается вопросом о функциях личного имени в разговорном языке и отмечает, что «задача имени личного (как и имени собственного вообще) дать наименование конкретно-единичному, неповторяющемуся», таким образом, наблюдается «тенденция отрыва личного имени от слово-смысла, разрыв с семасиологической стороной слова», который отсутствует в первоначальных именах-кличках [14, 409]. По мнению исследователя, в языке возможен процесс «отпадения наименования в слово-смыслы, то есть переход имени в апеллатив, или в современной лингвистической терминологии — деонимизация: жучка — собака и т.д. Важным заключением А. Л. Бема является то, что в «живом языке» личное имя не содержит никакой информации о лице, которому принадлежит, кроме фамилий, которые могут быть маркированными в силу своей отнесенности к какому-либо сословию или национальности [14, 410].

Второй параграф отражает специфику функционирования личного имени в литературе: «есть ли особая поэтика личного имени?» [14, 410]. А. Л. Бем, отмечая, что основное назначение имени персонажа — это его выделение из ряда других (номинативная функция), определяет мнемонические задачи имени: литературное имя может выступать знаком другого имени, которое известно писателю, а не читателю. Таким образом, выбор имени в художественном произведении может быть обусловлен наличием прототипа у его героя (*Крахоткин — Крапоткин, Версилов — Брусилов*). Прототипами могут выступать не только реальные лица, но и герои художественных произведений, например, два дальних родственника Кати в романе «Униженные и оскорбленные» Левинька и Боринька соотносятся с одноименными персонажами монолога Репетилова в «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Нельзя не согласиться с исследователем в установлении зависимости между систе-

мой персонажей и художественным строем произведения: даже если имя для героя позаимствовано с какой-нибудь вывески, именно оно является поэтически оправданным автором текста. По мнению А. Л. Бема, «Достоевский является исключительным мастером такой общей аранжировки имен в своих произведениях», проявившейся уже в первом романе «Бедные люди», в результате чего можно полагать, что между лицом и именем существует внутренняя связь, которую «Достоевский часто подчеркивает несколькими как бы невзначай брошенными словами» [14, 416–417]. В заключение второго параграфа А. Л. Бем делает вывод о несовпадении назначения имени в разговорном языке и в языке художественного текста, в рамках которого происходит оживление смысловых сторон имени.

Третий параграф работы А. Л. Бема посвящен эвфонии и ритмическому рисунку имени: «имя входит в произведение в своей звуковой оболочке, т.е. отражается на музыкальной стороне произведения» [14, 418]. Эвфонический подбор имен в художественных текстах Ф. М. Достоевского наблюдается в триаде *Александра — Аделаида — Аглая*, в трехкомпонентном антропониме Родион Романович Раскольников.

В четвертый раздел статьи вошли размышления А. Л. Бема об оживлении генетической связи между именем и национальностью лица, которому оно принадлежит. Исследователь отмечает, что данные имена содержат эмотивный оттенок, иногда легко различимый читателем (*Феферкухен, Фрауенмильх, Фейербах, Брудершафт* и др.), а иногда «улавливаемый только привычным ухом» (*фон Лембке, Антон Антонович фон Блюм, Амалия Ивановна Липпвехзел* и др.) [14, 421]. Еще один вариант «генетического оживления имени» основан на употреблении в языке штампов — имен, используемых при обозначении персонажей, занимающихся определенным видом деятельности (ключница Маланья, кухарка Марфа, купец Самсонов, лекарь Кох, учитель Колбасников, студент Кислородов и т.д.). Отдельно А. Л. Бем выделяет фамилии персонажей, относящихся к аристократии: Ф. М. Достоевский «далеко переходит за все в русской литературе установившиеся традиции, примыкая по резкости отрицательной окраски к манере сатирической литературы» (княгиня *Безземельная*, князь *Свинчаткин*, графиня *Залихватская* и т.д. [14, 422]. Заслуживает внимания тезис А. Л. Бема по поводу выбора имен для анализа: по его мнению, методологически верным при выявлении системности является обращение к именам второстепенных персонажей, «так как тогда к выбору мотивов не примешивается то особое значение, которое в художественном произведении имеет главное действующее лицо» [14; с. 423]. Однако исследователь отмечает, что выбор фамилии *Мышкин* обусловлен теми же обстоятельствами, что и приведенные выше фамилии аристократии.

В пятом параграфе работы А. Л. Бем обращается к выявлению традиций в поэтике имени: в начале своего пути Ф. М. Достоевский находился во власти поэтики натуральной школы, в связи с чем предсказуемы такие фамилии, как *Оплеваниевы, Паскудины, Млекопитаевы* и т.д. Во многих произведениях Ф. М. Достоевский использует не только гоголевские приемы наречения героев (например, *Кифа Мокиевич* и *Мока Кифиевич*), но и вводит в действие самих гоголевских персонажей, например, в романе «Братья Карамазовы» помещик Максимов уверяет, что он тот самый помещик Максимов из «Мертвых душ», которого Ноздрев высек в пьяном виде.

А. Л. Бем указывает еще одну тенденцию, объясняемую литературной традицией, — это выбор «художественно насыщенных имен», то есть имен, изначально семантически безразличных, но наполненных определенным содержанием благодаря тесной связи с ярким художественным образом. К числу таких можно отнести имена *Татьяна, Лиза* и др. Как и в большинстве своих работ, А. Л. Бем полагает, что для более глубокого прочтения художественного произведения нужно обратиться к его истокам — рукописям, на основе которых можно проследить историю наречения персонажа именем, имеющим для его создателя определенный смысл.

В шестом разделе статьи А. Л. Бемом представлен процесс выбора имени, который очень трудно проследить в художественной лаборатории Ф. М. Достоевского, поскольку имя находится всецело во власти непредсказуемых творческих импульсов. Например, вслед за П. Н. Сакулиным А. Л. Бем полагает, что фамилия *Мышкин* была «подсказана» Ф. М. Достоевскому топонимом *Мышкинский уезд*, где один крестьянин зарезал мещанина Сулова за часы [15, 207]. Особый интерес, по наблюдению исследователя, представляют случаи, когда имя персонажа в процессе создания произведения меняется, в результате чего «семантологическая окраска сглаживается, имя обезличивается»: *Брусилов Версилов, Веров Овров* и т.д. [14, 427].

Седьмой параграф открывается размышлениями А. Л. Бема о связи поэтики заглавий и поэтики имени: название романа «Братья Карамазовы» подразумевает, что читатель будет рассматривать братьев как некую целостность. По мнению А. Л. Бема в творческой лаборатории Ф. М. Достоевского можно выделить ряд направлений, по которым происходит осмысливание фамилий персонажей. Оцениваются имена по шкале положительности — отрицательности, например, в романе «Бедные люди» для именования главных героев используются трехкомпонентные антропонимы — *Макар Алексеич Девушкин, Варвара Алексеевна Доброселова*, тогда как Варенькин соблазнитель именуется только по фамилии — *Быков*. Предсказуемо в связи с делением на положительные и отрицательные имена собственные выделение светлых (*Светлова, Барашкова, Доброселова*) и темных (*Мурин,*

Кошмаров, Карамазов) фамилий, фамилий преступных (Зверков, Бубнова и др.) и фамилий «липких» (Липутин, Видоплясов и др.). Останавливается А. Л. Бем подробно на анализе фамилии Карамазов, отмечая, что в ней проявляется признак, «объединяющий весь род, — это темное, черное начало», а также соотнесенность с фамилией Карамзин, указывающей на европеизм [14, 431]. Фамилия *Ставрогин*, как полагает А. Л. Бем, может быть связана с греческим словом *σταυρός* 'крест', но творческим импульсом для ее создания послужила фамилия *Ставровские*, которую носили родственники Ф. М. Достоевского. Фамилия *Раскольников* может быть связана с расколом — раздвоением и с расколом — раскольничеством [14, 432–433].

Как видим, еще в 1933 году А. Л. Бем в своем исследовании «Личные имена у Достоевского», применив метод мелких наблюдений над словом в художественном тексте, обозначил основные направления развития литературной ономастики, разрабатываемые в настоящее время. Это соотнесение имен персонажей с именами прототипов, выявление творческих импульсов, повлиявших на выбор имени, изучение процесса создания имени, семантический потенциал имени собственного в построении художественного образа, системность, проецируемая не только на именник конкретного произведения, но и на поэтику писателя в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев Г. Ф. Альфред Людвигович Бем / Г. Ф. Ковалев // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Международный сборник научных трудов. Вып. 29. Ч. 2. — Воронеж, Издательство: Воронежский государственный университет. 2008. — С. 314–315.
2. Бем А. Л. Письма о литературе // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С. Г. Бочарова; Предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. З. Сурат. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 333–440.
3. Письма А. Л. Бе́ма и С. П. Мельгунова В. В. Маяковскому // Новый журнал. Кн. 21. — Нью-Йорк, 2003. — С. 132.
4. Магидова М. Пражские сборники «О Достоевском»

Воронежский государственный технический университет

Скуридина С. А., доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации

E-mail: saskuridina@yandex.ru

Бугакова Н. Б. кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

E-mail: ya_witch@mail.ru

/ М. Магидова // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бе́ма. — М.: Русский путь, 2007. — С. 9–50.

5. О Достоевском. Сборник статей / под ред. А. Л. Бе́ма. Т. 2. — Прага, 1933. — С. 123.
6. Бем А. Л. Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского) / А. Л. Бем // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: Сборник статей под ред. А. Л. Бе́ма. — М.: Русский путь, 2007. — С. 99–133.
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1993. — № 4. — С. 427–457.
8. Бочаров С. Г. Альфред Людвигович Бем / С. Г. Бочаров, И. З. Сурат // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С. Г. Бочаров; Предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. З. Сурат. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 7–34.
9. Бем А. Л. Словарь личных имен у Достоевского / А. Л. Бем // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бе́ма. — М.: Русский путь, 2007. — С. 288–361.
10. Бем А. Л. Словарь личных имен в «Дневнике писателя» / А. Л. Бем // O Dostojevském: Sborník státtí a materiálů. Praha: Slovanské knihovny, 1972. — 356 s.
11. Бицилли П. Письма к А. Л. Бему / П. Бицилли // Новый Журнал. — 2002. — № 228. — С. 136.
12. Тихомиров Б. Н. О практической ценности пражского «Словаря личных имен у Достоевского». Заметки по поводу публикации М. Магидовой / Б. Н. Тихомиров // Достоевский и мировая культура. — СПб., 2005. — № 21. — С. 246–263.
13. Скуридина С. А. Антропонимы в произведениях Ф. М. Достоевского: взгляд А. Л. Бе́ма / С. А. Скуридина, Е. О. Кузьминых // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы III Международной научной конференции. — Воронеж, 2022. — С. 26–31.
14. Бем А. Л. Личные имена у Достоевского / А. Л. Бем // Сборникъ въ честь на проф. П. Милетичъ за седемдесетгодишнината отъ рождението му (1863–1933). — София, 1933.
15. Сакулин П. Н. Работа Достоевского над «Идиотом». Из архива Достоевского / П. Н. Сакулин // Идиот. — М., 1931. — С. 207.

Voronezh State Technical University

Skuridina S. A., Doctor of Philology, department chairman, the chair of Russian language and cross-cultural communication
E-mail: saskuridina@ya.ru

Bugakova N. B., Candidate of Philology, The chair of Russian language and cross-cultural communication, associate professor
E-mail: ya_witch@mail.ru